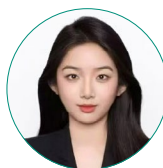

DOI: [10.14515/monitoring.2026.4.3148](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3148)**И. Е. Калабихина, В. Г. Оксиненко, Ц. Лю****ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ И ТРАНСФОРМАЦИИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В КИТАЕ****Правильная ссылка на статью:**

Калабихина И. Е., Оксиненко В. Г., Лю Ц. Особенности взаимосвязи и трансформации демографических и социокультурных ценностей в Китае // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 4. С. 155—184. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3148>.

For citation:

Kalabikhina I. E., Oksinenko V. G., Liu J. (2026) Features of the Interrelationship and Transformation of Demographic and Sociocultural Values in China. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 155–184. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3148>. (In Russ.)

Получено: 19.10.2025. Принято к публикации: 07.07.2026.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ И ТРАНС-
ФОРМАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И СОЦИО-
КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КИТАЕ

КАЛАБИХИНА Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой демографии экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: ikalabikhina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3958-6630>

ОКСИНЕНКО Валерия Геннадьевна — кандидат экономических наук, независимый исследователь, Братислава, Словакия

E-MAIL: leraoksinenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3274-7793>

ЛЮ Цзясюй — магистрант факультета экономики, направление «Международная экономика и бизнес», Университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, Китай

E-MAIL: 3466706545@qq.com

<https://orcid.org/0009-0009-2697-1247>

FEATURES OF THE INTERRELATIONSHIP AND
TRANSFORMATION OF DEMOGRAPHIC AND
SOCIOCULTURAL VALUES IN CHINA

Irina E. KALABIKHINA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Demography, Faculty of Economics

E-MAIL: ikalabikhina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3958-6630>

Valeria G. OKSINENKO² — Cand. Sci. (Econ.), Independent Researcher

E-MAIL: leraoksinenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3274-7793>

Jiaxu LIU³ — Master's student, Faculty of Economics, International Economics and Business Programme

E-MAIL: 3466706545@qq.com

<https://orcid.org/0009-0009-2697-1247>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Bratislava, Slovakia

³ MSU-BIT University, Shenzhen, China

Аннотация. В работе рассматриваются трансформация демографических ценностей в китайском обществе, их связь с социокультурными ценностями, а также связь обеих групп ценностей с субъективной удовлетворенностью жизнью — ощущением счастья и финансовой удовлетворенностью. На основе данных китайской выборки Всемирного исследования ценностей (WVS) за 1995, 2001, 2007 и 2020 гг. с помощью регрессионного и кластерного анализа показано, что в Китае модернизация демографических и социокультурных ценностей слабо связаны друг с другом в течение рассматриваемого периода. На фоне антинационалистской политики в конце 1990-х годов демографическая модернизация опережала

Abstract. The study examines the transformation of demographic values in Chinese society, their relationship with sociocultural values, and the association of both groups of values with subjective life satisfaction, namely perceived happiness and financial satisfaction. Using data from the Chinese samples of the World Values Survey (WVS) for 1995, 2001, 2007, and 2020, and applying regression and cluster analyses, the study shows that the modernization of demographic and sociocultural values in China was only weakly interconnected over the period under consideration. Against the background of antinationalist population policies in the late 1990s, demographic modernization was ahead of sociocultural modernization. At present, by contrast, so-

социокультурную, а в настоящее время социокультурная модернизация опережает демографическую, которая стагнирует и даже демонстрирует откат по отдельным демографическим установкам на фоне пронаталистской политики. Авторы показывают, что в современном Китае, во-первых, наблюдается большая ценностная разобщенность между группами населения в отношении демографических ценностей. Во-вторых, ценностная ориентация на модернизацию в большей степени дает ощущение счастья, чем в конце прошлого века. В-третьих, финансовая удовлетворенность стабильно связана с модернистскими ценностями.

Ключевые слова: демографические ценности, социокультурные ценности, репродуктивные установки, модернизация, субъективное счастье, финансовая удовлетворённость, Китай, Всемирное исследование ценностей

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова.

ciocultural modernization is advancing faster than demographic modernization, which has stagnated and has even shown a reversal in certain demographic attitudes amid pronatalist population policies. The authors show that, in contemporary China, first, there is greater value polarization across population groups with regard to demographic values. Second, a modernist value orientation appears to be more strongly associated with a sense of happiness than it was at the end of the twentieth century. Third, financial satisfaction remains consistently associated with modernist values.

Keywords: demographic values, sociocultural values, reproductive attitudes, marital attitudes, modernization, traditional values, life satisfaction, subjective happiness, financial satisfaction, China, WVS

Acknowledgements. The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

Введение

В постиндустриальном обществе трансформация паттернов демографического поведения населения приобрела новый характер. Первыми это описали и систематизировали Рон Лестхеге и Дирк Ван де Каа [Lesthaeghe, van de Kaa, 1986], которые ввели понятие «второй демографический переход». Данная теория описывает изменение демографических моделей в западных обществах, которое характеризуется низким уровнем рождаемости, разделением брака и деторождения, а также ценностными трансформациями, например ростом индивидуализма и реструктуризацией гендерных ролей. Типичные признаки второго демографического перехода — продолжающееся снижение рождаемости, либерализация аборт, деинституционализация брачной системы (проявляющаяся в повышении возраста вступления в первый брак и росте числа разводов) и распространение диверсифицированных форм семьи (например, внебрачное сожительство).

Первоначально теория второго демографического перехода подвергалась значительной критике, в первую очередь потому, что ее положения были применимы только к наиболее развитым странам — Западной Европе, США, Канаде, Австралии. Тем не менее в последние десятилетия стало очевидно, что характерные

для второго демографического перехода паттерны рождаемости и брачности все чаще наблюдаются в странах Азии и Латинской Америки [Lesthaeghe, 2014]. Например, повсеместно все более распространенным становится сожительство и повышается возраст вступления в брак.

Основной движущей силой второго демографического перехода теоретики называют сдвиг в ценностных установках людей (движение к индивидуализму, изменение отношения к браку и рождению детей), а также экономический рост [Zaidi, Morgan, 2017]. Ключевую роль при этом играют демографические и социокультурные ценности [Lesthaeghe, 1995], которые, в свою очередь, связаны между собой [Калабихина и др., 2023]. Теоретики показывают, что чем выше уровень экономического развития страны, тем выше степень развития демократии и тем более модернистскими по совокупности признаков становятся ценности общества [Inglehart, Welzel, 2005]. Это доказывают и многочисленные эмпирические исследования, причем на примере ряда стран мы видим не только сопоставленность изменений, но и сходство их темпов [Калабихина и др., 2021].

Универсальна ли взаимосвязь разных проявлений модернизации? В настоящее время мы видим черты второго демографического перехода во многих странах, траектория развития которых не всегда укладывается в общепринятые паттерны. Одна из таких стран — Китай. Несмотря на особую роль традиционных ценностей в процессах развития государства и общества [Клупт, 2025], Китай идет по собственному пути развития, что подтверждают как экономические [Chung, Tan, 2017], так и социальные исследования [Морозова, 2018]. Положение об особом пути Китая закреплено и в официальной доктрине государства [Борох, Ломанов, 2024]. Академическая литература подтверждает особые черты второго демографического перехода в Китае. В частности, несмотря на снижение уровня рождаемости и повышение возраста брачности, к началу XXI века в Китае не получили распространение добрачная рождаемость и концепция чайдфри, а отношение к браку остается традиционным и характеризуется стабильно небольшой долей разводов [Yu, Xie, 2022].

Целью данного исследования — определить, как взаимосвязаны демографическое поведение и социокультурные ценности на фоне кардинально меняющейся демографической политики в данной стране на протяжении трех десятилетий. Представляется, что, как и во многих других сферах общественной жизни, Китай идет по отличному от других стран пути второго демографического перехода. И демографическая модернизация не идет совместно, однонаправленно с социокультурной модернизацией.

Дополнительно мы оценим, как связаны удовлетворенность жизнью (ощущение счастья и финансовая удовлетворенность) в разных группах населения в контексте их приверженности более модернистским или более традиционным демографическим и социокультурным ценностям.

Изменения рождаемости и брачности в Китае во второй половине XX — первой половине XXI века: краткий обзор

Этапы трансформации демографической политики Китая

Китай вступил в эпоху бурного экономического развития во второй половине 1970-х годов, хотя пик экономического роста был достигнут в 1990-х [Barro,

2016]. Параллельно с этим в стране начали наблюдаться типичные признаки второго демографического перехода: с 1970-х годов в стране снижаются коэффициенты рождаемости и растет возраст вступления в первый брак [Jiang et al., 2019]. По данным Национального бюро статистики Китая, в 1990 г. общий коэффициент рождаемости составлял 21,06‰, а к 2024 г. он снизился до 6,77‰¹. Также повышается средний возраст вступления в брак: согласно данным Всемирного банка, в 1990 г. он составлял 22,1 года, а в 2016 г. вырос до 25,4 лет². Средний возраст вступления в первый брак продолжает расти [Chen, 2023].

В период с 1971 по 2013 г. в Китае сначала действовала антинаatalистская политика планирования семьи «Позже, реже, меньше», а затем политика «Одна семья — один ребенок». С 1971 по 1979 г. политика планирования семьи «Позже, реже, меньше», которая была направлена на позднее вступление в брак, более позднее рождение первого ребенка, более длительные интервалы между рождениями и меньшее число детей, добилась явного успеха в снижении суммарного коэффициента рождаемости с 6,1 (1970 г.) до 2,7 (1979 г.) детей на женщину. С 1980 по 2013 г. политика «Одна семья — один ребенок» проходила на фоне снижения суммарного коэффициента рождаемости до 1,6—1,7 ребенка на женщину (скорее в первое десятилетие этой политики). Затем произошел отказ от ограничений на число рожденных детей, после чего наблюдался небольшой рост показателя до 1,8 (2017 г.) ребенка на женщину, а далее уровень рождаемости упал до 1 ребенка на женщину (2022—2024 гг.). Оценки календарного суммарного коэффициента рождаемости здесь приведены по данным Всемирного банка, национальный статистический офис Китая публикует показатель не по текущему сплошному учету, а по данным выборочных обследований в период проведения последних переписей (раз в десять лет).

Какие факторы влияют на уровень рождаемости?

40 лет назад, в период пика экономического роста в Китае, в городских районах более высокий уровень дохода ассоциировался с более высоким уровнем рождаемости [Birdsall, Jamison, 1983]. По мнению авторов, в начале 1980-х годов более высокий уровень дохода позволял семьям игнорировать влияние прочих экономических факторов и чаще заводить детей. В то же время исследование, проведенное в начале XXI века в четырех крупнейших городах Китая — Шанхае, Пекине, Чангчуне и Шеньяне, — выявило сильно превышающий средний по стране процент бездетных семей. При этом респонденты в основном объясняли отсутствие детей высокой загруженностью на работе и финансовыми ограничениями [Liu, 2005].

Неэкономические — социальные и культурные — факторы также могут оказывать влияние. В частности, снижение уровня рождаемости напрямую коррелирует с ростом уровня образования женщин и снижением рождаемости малообразованных женщин за счет повышения их осведомленности о средствах контрацепции [Chen, 2023].

¹ Национальное бюро статистики Китайской Народной Республики: URL: <https://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 03.10.2025).

² Портал данных Всемирного банка. URL: <https://genderdata.worldbank.org/en/indicator/sp-dyn-smam?year=2016> (дата обращения: 03.10.2025).

Не последнюю роль в снижении уровня рождаемости, а по мнению некоторых исследователей — даже основную (см., например, [Yingchun, Zhenzhen, 2020]), сыграло изменение гендерного баланса в китайском обществе. Более высокая степень вовлечения женщин в рынок труда создает для них необходимость выбирать между семьей и работой, что неизменно приводит к откладыванию рождения детей.

Религиозность общества традиционно ассоциируется с распространением и укреплением традиционных паттернов демографического поведения и традиционных гендерных установок. Хотя Китай не характеризуется высоким уровнем религиозности, среди тех, кто считает себя верующим, уровень рождаемости выше, причем для представителей ислама и христианства этот эффект значительнее, чем для представителей буддизма [Xie, Zhou, 2022]. Что важно, исследователи не находят значимых различий во влиянии фактора религиозности на репродуктивные установки между мужчинами и женщинами [Zhang, 2008]. В то же время традиционные конфуцианские ценности оказывают значимое влияние на процессы модернизации в стране и способствуют укреплению роли государства во всех сферах жизни общества [Клупт, 2025]. Так, исследователи обнаруживают, что ключевые мысли «китайской мечты» восходят к клише конфуцианского «Канона Перемен» [Крушинский и др., 2015].

В последние годы исследователи изучают уже не факторы снижения рождаемости, а факторы роста или стабилизации рождаемости в Китае.

Отрицательно влияет на деторождение стоимость жилья: увеличение отложенной стоимости жилья на 100 тыс. юаней приводит к снижению вероятности рождения у женщины детей на 14 % [Liu et al., 2023]; соотношение стоимости жилья и уровня доходов в провинции устойчиво отрицательно связано с уровнем рождаемости [Kalabikhina, Nan, 2026].

В китайском обществе все еще остается значимым влияние на деторождение бабушек и дедушек. Семьи, в которых бабушки и дедушки участвуют в воспитании внуков, демонстрируют более высокие показатели рождаемости [Ji, 2015]. При этом интересно отметить, что исследователь не обнаружил значимого влияния на деторождение факта проживания бабушек и дедушек с семьями своих детей.

Подробнее обсудим роль демографической политики в формировании паттернов реальной рождаемости в прошлом и современном китайском обществе, поскольку в нашем исследовании политика является фоном, на котором мы рассматриваем трансформации ценностей.

Китайские исследователи по-разному оценивают роль политики в конце прошлого века: одни видят тесную связь с падением рождаемости и нарушением вторичного соотношения полов при рождении [Feng, Gu, Cai, 2016], другие пишут, что резкое снижение численности населения произошло не из-за влияния политики, а в силу выпавших на этот период значительных социально-экономических изменений в китайском обществе и расцвета глобализации [Yong, 2010].

С середины 2010-х годов в целях увеличения рождаемости в Китае начала проводиться комплексная политика поощрения рождения второго ребенка. Однако, вопреки ожиданиям авторов мер, рождаемость вторых детей не выросла в течение первых пяти лет после отмены прежней политики [Zhang, Guo, Zhai, 2019; Fang, 2019]. Хотя исследователи и обнаружили, что некоторые семьи начали де-

монстрировать краткосрочную положительную динамику рождаемости, в целом рост показателя не был устойчивым.

В связи с этим в 2021 г. Китай перешел на политику поддержки увеличения количества детей в семьях до трех детей. В данном случае речь шла не только об официальном разрешении, но и о целом комплексе сопутствующих мер поддержки матерей и ухода за детьми. Однако согласно эмпирическому исследованию [Jing et al., 2022] введение политики трех детей было плохо воспринято городскими женщинами из среднего класса и высокообразованными женщинами, а стимулы политики оказались недостаточными, чтобы компенсировать давление альтернативных издержек на содержание и воспитание детей. В итоге суммарный коэффициент рождаемости кратковременно и незначительно вырос после отмены запретов, но новая пронаталистская политика не остановила его падение.

Политика, вероятно, может ускорять модернистские тенденции, но весьма ограничена в изменении трендов. Это, однако, не значит, что она не может иметь успех в развороте тренда. Полагаем, это зависит от других институтов (таких как привычка к «послушанию») и от объема необходимых ресурсов.

Заметим, что демографическое (репродуктивное) поведение проявляется как в установках на рождение определенного числа детей, так и в реализации этих установок. Проведя краткий исторический анализ изменения реального уровня рождаемости на фоне разных стадий демографической политики в Китае, мы переходим к измерению ценностной части демографического поведения — изменениям в демографических ценностях (репродуктивных и матримониальных установках). Ценности могут также меняться под влиянием разных факторов [Макаренцева, Бирюкова, 2023], в том числе политики, но могут быть не всегда связаны с реальными рождениями, хотя предсказуемая сила репродуктивных установок в прогнозе уровня рождаемости весьма велика [Архангельский, Козлова, Калачикова, 2025].

Не выявляя значение набора конкретных факторов динамики ценностей, мы хотим понять, как связаны социокультурные ценности и демографические ценности в уникальной стране, где мы наблюдаем кардинальный перелом в демографической политике. Могут ли эти группы ценностей меняться не гармонично, не совместно на фоне перелома в демографической политике?

Методология и данные исследования

Определение демографических ценностей

Мы будем отвечать на поставленный вопрос, используя как переменные, отвечающие непосредственно за демографические установки, так и переменные, которые показывают результат этих установок в недавнем прошлом.

В качестве основных показателей демографических ценностей в китайском обществе на основе данных WVS мы выбрали отношение к абортam, отношение к разводам, количество детей у женщин и брачный статус респондентов. Такой выбор показателей неслучаен. Отношение к абортam и разводам отражает нормативные установки и трактуется как прямое выражение матримониально-семейно-репродуктивных ценностей. Чем позитивнее общество относится к разводам и абортam, тем более модернистским оно считается. Брачное состояние и число детей — прокси для показателей реализации ценностных установок: для

более традиционного общества характерны большее количество детей у женщин и более высокий показатель уровня брачности.

Определение социокультурных ценностей

Несмотря на наличие культурных различий и специфический исторический бэкграунд, в результате социально-экономического развития все страны движутся в одном направлении на карте ценностей [Inglehart, Baker, 2000]. В классификации авторов это движение от традиционных к секулярно-рациональным ценностям и от ценностей выживания к ценностям самовыражения; обобщенно можно сказать, что в этой системе общество движется от традиционных ценностей к модернистским (см. рис. 1).

Рис. 1. Классификация ценностей по Р. Инглхарту и У. Бэйкеру

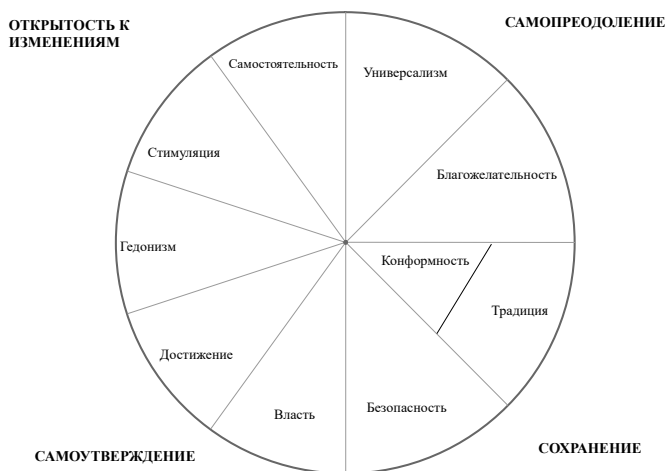

Существуют и другие классификации ценностей. В статической оценке ценностных характеристик общества или индивидуумов используется классификация ценностей Ш. Шварца (или ее расширенные варианты), в которой все человеческие ценности делятся на десять видов, сгруппированных по четырем кластерам (см. рис. 2). При этом автор отмечал важность рассмотрения всех ценностей не как отдельных конструктов, а в кластерах, так как они диктуются единым мотивационным континуумом [Schwartz, 1992]. При этом вне зависимости от страны наиболее важны для людей зачастую три ценности: доброжелательность, самостоятельность и универсализм [Schwartz, Bardi, 2001].

В своем исследовании мы используем комплексный подход к классификации ценностей и идею группировки ценностей Шварца, но в большей степени опираемся на методологию Р. Инглхарта и У. Бэйкера для выделения так называемых традиционных и модернистских ценностей в группе демографических и социокультурных ценностей.

Важность политики в жизни свидетельствует о склонности к модернистским ценностям, показывая уровень гражданской вовлеченности. Важность работы

мы трактовали как традиционную ценность. Этот параметр не строго определяет традиционные взгляды, но в сочетании с важностью свободного времени он существенно более традиционный в иерархии ценностей человека в соответствии с нормой периода промышленной стадии развития экономики с ее основными маркерами успеха, определяющими две ключевые роли человека: «работа — своя семья/дети», «быть работником — быть родителем/супругом(ой)». Важность религии отражает ориентацию на традиционный авторитет, традиционные ценности. Важность свободного времени, как мы отметили, а также важность свободы выбора — модернистские ценности, отражающие степень индивидуализма и автономии.

Рис. 2. Диаграмма ценностей Ш. Шварца³

Данные

Мы используем данные Всемирного исследования ценностей (WVS) за 1995, 2001, 2007 и 2020 гг. по Китаю. Хотя исследование проводится с интервалом пять лет, именно в указанных волнах китайской выборки WVS представлен полный набор переменных, необходимых для реализации авторского подхода к исследованию.

База содержит данные из 120 стран по ценностям людей в таких областях, как религия, политика, семья. Также респонденты оценивают свое субъективное благополучие и экономическое положение. Основоположником данного проекта был Р. Инглхарт; на основе собранных данных он ставил цель отслеживать и анализировать динамику изменения ценностей людей во времени и влияние на них внешних факторов⁴. Последние доступные на момент проведения анализа данные относятся к 2020 г.

³ Адаптировано авторами на основе [Caprara et al., 2006: 8].

⁴ Официальный сайт Всемирного исследования ценностей. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 03.10.2025).

Исследовательский путь

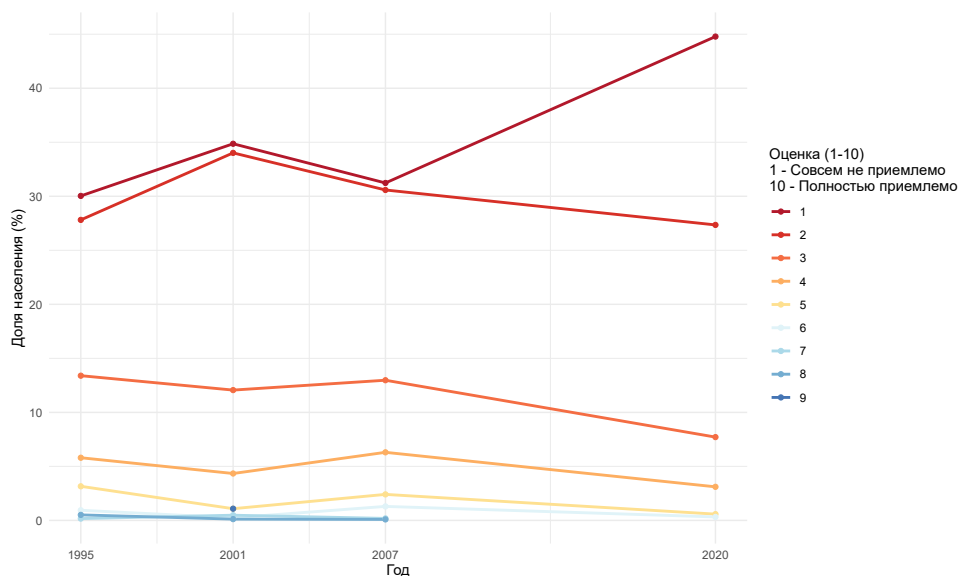
Наш анализ включает три этапа. Вначале с помощью множественного линейного регрессионного анализа мы оценили связь демографических и социокультурных ценностей в Китае с конца 1990-х до 2020 г. Далее с помощью кластерного анализа мы сгруппировали респондентов по признакам приверженности традиционным или модернистским ценностям, чтобы определить направление движения китайского общества по двум группам ценностей в сторону традиций или модерна. Наконец, опираясь на регрессионный анализ, мы оценили, насколько высоко оценивают свою удовлетворенность жизнью представители разных ценностных групп (через ощущение счастья и через финансовую удовлетворенность) и как эти оценки менялись с течением времени.

Связь демографических и социокультурных ценностей в Китае с конца 1990-х до 2020 г.

Динамика трансформации основных демографических ценностей в Китае

Согласно данным WVS, уровень общественного одобрения аборт (оценки от 1 до 10, где 1 — полностью не приемлю, 10 — полностью одобряю) в Китае демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению. На основе анализа распределения оценок респондентов можно отметить, что на протяжении последних десятилетий наблюдается устойчивый рост негативного отношения к аборт, в то время как поддержка или нейтралитет по отношению к данной практике постепенно ослабевают (см. рис. 3).

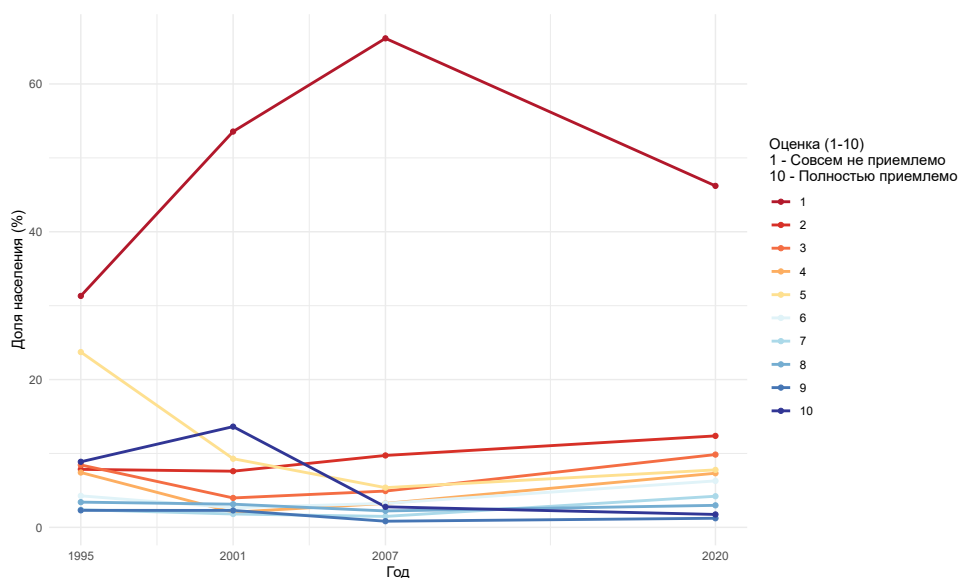
Рис. 3. Распределение и динамика оценок отношения к аборт в Китае

По рисунку 3 легко заметить, что доля населения, решительно выступающего против аборт (оценки 1—2 балла), остается самой высокой и продолжает расти, причем пик зафиксирован в 2020 г. Одновременно доля группы с умеренным или нейтральным отношением к аборт (оценки 4—7 баллов) постепенно сокращается. Наконец, доля респондентов, полностью признающих допустимость абортов (оценка 10 баллов), остается крайне низкой и на протяжении всех раундов исследования практически не меняется.

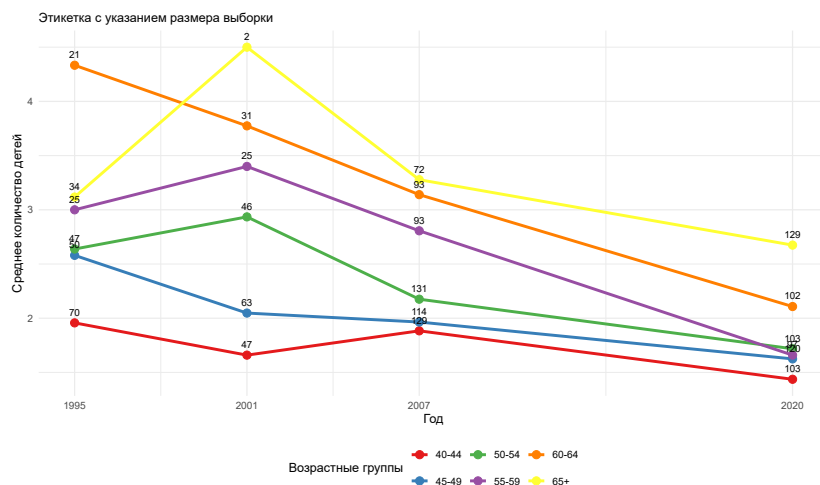
В то же время отношение китайского общества к разводам (1 — полностью не приемлю, 10 — полностью одобряю) постепенно становится более терпимым (см. рис. 4).

Рис. 4. Распределение и динамика оценок отношения к разводам в Китае

Консервативные взгляды (неприятие развода) продолжают доминировать, но в целом ослабевают. Так, оценку 1 («совершенно неприемлемо») в 2007 г. поставило порядка 70 % населения, но затем доля таких респондентов значительно снизилась. В то же время количество людей, выражающих терпимое отношение к разводам, постепенно растет, хотя в целом высокие оценки (7—10 баллов) по-прежнему ставит незначительная часть выборки. При этом доля респондентов, считающих развод полностью приемлемым (оценка 10), достигала пика в 2001 г. Таким образом, если в 1995 г. однозначно преобладали консервативные взгляды, к 2020 г. все больше людей стали воспринимать развод как нормальное или приемлемое явление.

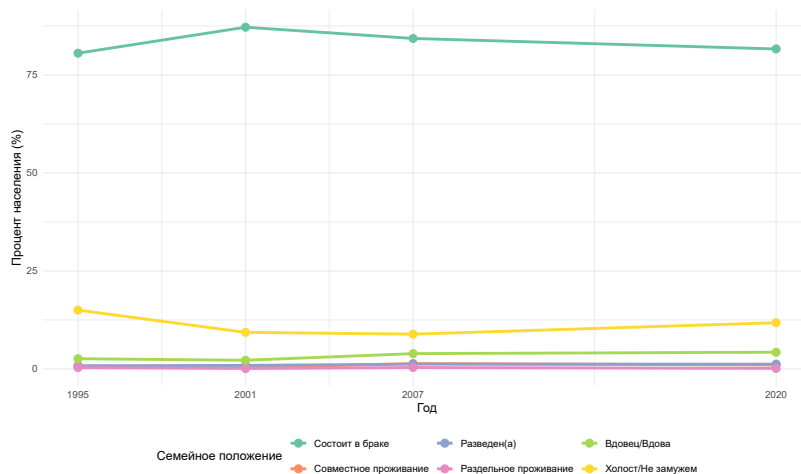
Анализ распределения среднего количества детей у женщин старше 40 лет в Китае с 1995 по 2020 г. позволяет выделить ряд устойчивых демографических тенденций (см. рис. 5).

Рис. 5. Изменение среднего числа детей у женщин старше 40 лет в Китае (1995—2020 гг.)⁵

Мы видим общее снижение рождаемости во всех возрастных группах: на протяжении всего анализируемого периода все линии графика имеют отрицательный наклон линии тренда. Также заметно, что к 2020 г. сглаживаются межпоколенные различия: почти все возрастные группы сходятся к среднему количеству около двух детей.

На завершающей стадии данного этапа анализа мы проследили динамику изменений в брачном статусе населения Китая за период с 1995 по 2020 г. среди респондентов в возрасте от 15 до 99 лет (см. рис. 6).

Рис. 6. Динамика семейного положения населения Китая (1995—2020 гг.)

⁵ Цифры у точек на графике показывают размер выборки, по которой получена оценка среднего.

Брак остается доминирующей формой семейного положения. Доля населения, состоящего в браке, высока на протяжении всего периода — от 80,5% в 1995 г. до 81,6% в 2020 г., а вот сожителство и раздельное проживание встречаются крайне редко. Это свидетельствует о преобладании традиционной семейной ориентации в китайском обществе. При этом нельзя не отметить тенденцию к росту доли холостых людей. После снижения с 15% в 1995 г. до 8,8% в 2007 г. доля таких людей вновь возросла до 11,8% в 2020 г. Это может отражать увеличение числа тех, кто откладывает вступление в брак или отказывается от него. Наконец, доли разведенных и овдовевших также незначительно увеличились, что говорит о постепенных изменениях в структуре семьи и брачных отношений.

Обобщая, мы видим, что в Китае больше не существует тренда на модернистские демографические ценности, показатели демографической модернизации либо меняются очень медленно (отношение к разводам, приверженность к официальным бракам), либо идут вспять (отношение к абортам), что может быть результатом новой политики страны по стимулированию рождаемости с элементами традиционных ценностей.

Детерминанты демографических установок в китайском обществе: связь с социокультурными ценностями

Для более детального анализа указанной связи мы выбрали демографические установки, продемонстрировавшие наиболее существенные изменения на протяжении всего периода наблюдения: отношение к абортам и количество детей у женщин старше 40 лет.

Социокультурные ценности и отношение к абортам

В таблице 1 приведены результаты множественного линейного регрессионного анализа ценностных оснований отношения к абортам в Китае в четырех раундах исследования. В список регрессоров, помимо базовых демографических характеристик респондентов, мы включили социокультурные переменные. Напомним, что важность политики, свободного времени, свободы выбора в жизни свидетельствует о склонности к модернистским ценностям, а важность работы и религии отражает ориентацию на традиции.

Таблица 1. Детерминанты отношения к абортам в Китае: 1995, 2001, 2007 и 2020 гг. (зависимая переменная изменяется от 1 (отрицательное отношение) до 10 баллов (полная допустимость аборта))

Переменные	1995	2001	2007	2020
Важность политики в жизни	0,047	−0,014	0,083***	0,125*
	0,068	0,105	0,041	0,058
Важность работы в жизни	0,059	−0,336*	0,02	−0,06
	0,16	0,222	0,08	0,076
Важность религии в жизни	−0,051	0,221*	0,024	−0,034
	0,042	0,107	0,031	0,05

Переменные	1995	2001	2007	2020
Важность свободного времени	−0,32***	0,163	−0,023	−0,149*
	0,084	0,127	0,071	0,085
Важность свободы выбора	−0,046	0,078*	−0,066***	−0,013
	0,022	0,05	0,029	0,039
Возраст	0,098**	−0,073	−0,017	0,074**
	0,033	0,087	0,028	0,031
Возраст ²	−0,001**	0,001	0	−0,001**
	0	0,001	0	0
Пол	−0,075	−0,196	−0,062	−0,165
	0,192	0,216	0,119	0,119
Уровень образования: низкий	−1,087***	−0,242	−0,328	−0,736**
	0,237	0,456	0,199	0,277
Уровень образования: средний	−0,916***	0,118	−0,14	−0,43***
	0,122	0,343	0,208	0,148
Уровень дохода: низкий	0,342	−0,713*	0,244	−0,431*
	0,174	0,34	0,211	0,276
Уровень дохода: средний	0,122	−0,028	0,336	−0,093
	0,308	0,309	0,174	0,253
Проживание в сельской местности	0,224	0,613*	−0,399	
	0,302	0,213	0,622	
Проживание в городе	−0,411*	0,345	−0,773***	
	0,21	0,249	0,251	
В разводе/вдовец(ица)	0,628	−0,24	0,537*	−0,249
	0,322	0,501	0,334	0,159
Холост(ая)	0,147	−0,218	0,163	0,489*
	0,225	0,546	0,228	0,227
Проживает с родителями		−2,211**	−1,875	−1,661*
		0,591	1,77	0,809
R ²	0,0489	0,0268	0,0252	0,0492
Количество наблюдений	1400	973	1730	1863
Количество кластеров	4	4	4	4

* $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Коэффициенты при показателях традиционных социокультурных ценностей в основном незначимы. При проверке робастности модели через замену ценностных переменных на прокси (см. табл. П1 Приложения) коэффициенты при показателях религиозности и значимости работы остаются незначимыми. Модернистские социокультурные ценности связаны с отношением к аборту. При этом интерес к политике созвучен с допустимостью абортс с конца 2000-х годов (ранее нет связи), но важность свободы выбора и свободного времени в разные периоды отрицательно связаны с допустимостью абортс. То есть две группы ценностей не просто не имеют связи в процессе прогрессивного развития, но имеют отрицательную связь.

Мы видим, что тип населенного пункта, образование и возраст имеют значение (при этом возраст связан нелинейно), что соответствует результатам эмпирических исследований [Архангельский, Васильева, Васильева, 2021; Vakulenko et al., 2021].

Социокультурные ценности у женщин с разным числом детей

Ценностные детерминанты детности (среднее количество детей у женщин старше 40 лет), представлен в таблице 2.

Таблица 2. **Ценностные детерминанты детности (количество детей у женщин старше 40 лет), 1995, 2001, 2007 и 2020 гг.**

Переменные	1995	2001	2007	2020
Важность политики в жизни	−0,028	−0,086**	−0,015	−0,022
	0,028	0,028	0,024	0,019
Важность работы в жизни	0,01	0,085	−0,038	0,015
	0,055	0,084	0,029	0,02
Важность религии в жизни	0,032	0,005	−0,005	−0,019
	0,02	0,037	0,017	0,02
Важность свободного времени	0,019	−0,056	−0,007	0,025
	0,038	0,054	0,027	0,019
Важность свободы выбора	−0,011	0,013	−0,008	−0,002
	0,007	0,011	0,013	0,01
Возраст	0,071***	−0,092**	0,044**	−0,014
	0,017	0,031	0,019	0,009
Возраст ²	0	0,002***	0	0***
	0	0	0	0
Уровень образования: низкий	0,4***	0,48**	0,453***	0,504***
	0,076	0,147	0,122	0,145
Уровень образования: средний	0,249***	0,279**	0,117*	0,199***
	0,057	0,083	0,043	0,031

Переменные	1995	2001	2007	2020
Уровень дохода: низкий	−0,119	−0,164	0,168	−0,002
	0,104	0,101	0,111	0,077
Уровень дохода: средний	−0,019	0,062	0,098	0,044
	0,085	0,065	0,104	0,058
Проживание в сельской местности	0,361***	−0,105		
	0,08	0,092		
Проживание в городе	0,136*	−0,027	0,179**	
	0,138	0,099	0,1	
В разводе/вдове(ица)	−0,04	−0,281	−0,286***	−0,375***
	0,221	0,186	0,129	0,11
Холост	−0,986***	−0,406*	−0,87	−1,083***
	0,077	0,412	0,078	0,079
Не проживает с родителями	−0,051	1,706***	−0,116	−0,255
	0,079	0,162	0,142	0,316
R2	0,071	0,038	0,041	0,053
Количество наблюдений	1260	901	1504	1652
Количество кластеров	4	4	4	4

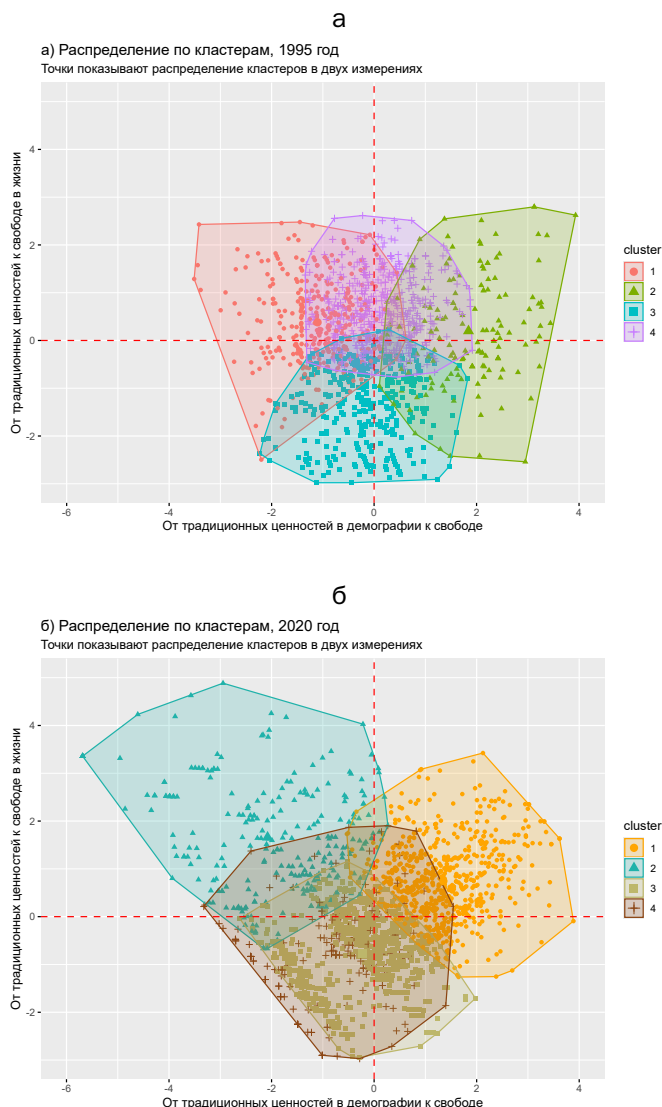
* $p—0,1$, ** $p—0,05$, *** $p—0,01$.

Результаты свидетельствуют скорее об отсутствии связи между социокультурными ценностями в момент измерения и демографическими ценностями в прошлом. Разные версии модели подтверждают отсутствие связи (см. табл. П2 Приложения). Либо ценности у индивида неустойчивы, либо связи между социокультурными ценностями и уровнем рождаемости в данном обществе при данном способе измерения нет. При этом контрольные переменные (возраст, образование, отсутствие партнера) имеют значение даже с учетом лагов во времени.

Деление китайского общества на кластеры по социокультурным и демографическим ценностям

Для более глубокого анализа структурных связей между демографическими и социокультурными ценностями в китайском обществе мы провели двумерный кластерный анализ, сопоставив первый и последний годы в нашей выборке (1995 и 2020 гг.). Рисунок 7, показывающий результаты кластеризации, устроен следующим образом: ось X на обоих графиках отражает движение слева направо от традиционных демографических ценностей к современным — модернистским, либеральным и индивидуалистским. По оси Y мы снизу вверх движемся от консервативного образа жизни к модернистскому. Таким образом, по оси X отражается трансформация демографических ценностей, по оси Y — социокультурных.

Рис. 7. Двумерная кластеризация демографических и социокультурных ценностей в Китае в 1995 (а) и 2020 (б) гг.

На двух кластерных картах мы видим различающиеся картины. На карте 1995 г. большинство наблюдений сосредоточены в правом нижнем секторе графика, что указывает на асимметричное распределение ценностных ориентаций: с точки зрения демографических ценностей респонденты в целом склонялись к более современным матримонимальным и репродуктивным установкам, подчеркивая индивидуальный выбор и автономность в принятии решений, но в рамках социокультурных ценностей сохраняли выраженную консервативность, проявляющуюся

в приверженности иерархии, авторитету и коллективным нормам. Такая структура свидетельствует, что к середине 1990-х годов под влиянием политики ограничения рождаемости в китайском обществе начали формироваться элементы современных репродуктивных установок, однако в социокультурной сфере по-прежнему доминировали традиционные ценности.

В 2020 г. в кластерной структуре наблюдаются два принципиальных изменения. Во-первых, основная масса точек сместилась вверх, что означает сдвиг общественных социокультурных установок в сторону более современных, свободных и индивидуализированных. Все больше людей принимают разнообразие образов жизни, акцентируя внимание на личной свободе и самостоятельности. Во-вторых, в левой части графика формируется новый кластер, что свидетельствует о существовании группы людей, не приверженных современным демографическим нормам — отказу от идей планирования семьи, от аборт, позднего рождения и малого числа детей.

Такая двойственная динамика демонстрирует нарастающую поляризацию ценностей в китайском обществе, которая напрямую связана с политическими трансформациями в Китае. С одной стороны, политика планирования семьи представляла собой выражение модернистской логики управления рождаемостью, но за десятилетия не смогла закрепить универсальные современные ценности на уровне населения. С другой стороны, новая политика стимулирования рождаемости отражается в традиционных семейных установках, создавая резонанс вокруг идеи пронатализма как культурно приемлемой нормы.

Чтобы понять природу наблюдаемых различий между кластерами, мы провели сравнительный анализ средних значений ценностных переменных в кластерах 1995 и 2020 гг. (см. табл. 3 и 4).

Таблица 3. Сравнение средних значений ценностных переменных в кластерах китайского общества в 1995 г.

Социо-культурные ценности	Демографические ценности	Степень интереса к политике	Важность работы	Религиозность	Важность свободы	Принятие абортов	Принятие разводов
Модернисты	Неопределенные	1,80	1,09	3,39	7,85	2,23	4,22
Неопределенные	Модернисты	0,771	0,88	-0,571	5,69	3,21	5,10
	Традиционалисты	2,67	2,26	3,05	5,98	3,14	4,04
Традиционалисты	Неопределенные	2,23	1,21	3,28	5,49	6,66	7,57
Средние значения		1,86775	1,36	2,28725	6,2525	3,81	5,2325

Таблица 4. Сравнение средних значений ценностных переменных в кластерах китайского общества в 2020 г.

Социо-культурные ценности	Демографические ценности	Степень интереса к политике	Важность работы	Религиозность	Важность свободы	Принятие аборт	Принятие разводов
Модернисты	Традиционалисты	2,09	1,58	2,48	7,30	–1,83	–1,82
	Модернисты	2,36	1,62	3,04	7,13	5,18	6,57
Неопределившиеся	Неопределившиеся	2,30	1,75	3,08	7,45	1,54	1,96
	Модернисты	1,80	1,41	2,37	–0,0512	0,521	0,87
Средние значения		2,1375	1,59	2,7425	5,4572	1,35275	1,895

В каждом случае мы определяли кластеры по их положению относительно осей социокультурных и демографических ценностей. По каждой оси мы выделили три относительные категории: традиционалисты, неопределившиеся и модернисты, где традиционалисты и модернисты — это приверженцы традиционных и модернистских установок в модели Р. Инглхарта и У. Бэйкера соответственно, а неопределившиеся занимают промежуточное положение. Набор кластеров в каждом случае соответствует распределениям, показанным на рисунке 7.

В 1995 г. различия между кластерами наблюдались по всем параметрам, а в 2020 г. мы не видим существенных различий в оценках важности политики, работы и религии. При этом разброс в показателях важности свободы и принятия абортов и разводов стал более существенным.

Также таблицы 3 и 4 демонстрируют, как изменились социокультурные ценности в Китае за рассматриваемый период. К 2020 г. средние значения всех переменных, традиционно ассоциирующихся с более модернистским обществом (принятие абортов и разводов, важность свободы), снизились. При этом мнения в обществе стали более полярными: часть кластеров населения демонстрирует усиление консервативных позиций, тогда как другие выражают растущую терпимость.

В то же время возросла значимость политического участия и труда как ценностей: средние значения соответствующих переменных в 2020 г. выше, чем в 1995 г. То есть на фоне общего снижения индивидуалистического подхода к жизни мы видим нарастание социальной разобщенности в обществе и рост вовлеченности в экономическую и политическую сферы жизни общества. Разобщенность по вопросам демографических ценностей — новый феномен в китайском обществе.

В таблице 5 представлено деление на кластеры в 1995 и 2020 гг. (обозначим социокультурные ценности — СК, демографические ценности — Д).

Таблица 5. **Ценностные кластеры в 1995 и 2020 гг.**

№	1995	2020
1	Модернисты (СК) и неопределившиеся (Д)	Модернисты (СК) и традиционалисты (Д)
2	Неопределившиеся (СК) и модернисты (Д)	Модернисты (СК) и модернисты (Д)
3	Неопределившиеся (СК) и традиционалисты (Д)	Неопределившиеся (СК) и неопределившиеся (Д)
4	Традиционалисты (СК) и неопределившиеся (Д)	Неопределившиеся (СК) и модернисты (Д)

Обратим внимание на то, что сама структура кластеров в 1995 и 2020 гг. различается. Сочетание модернистских и традиционных демографических и социокультурных ценностей с учетом промежуточных групп дает несколько разную структуру. В 1995 г. нет ни одного кластера с совпадающими типами демографических и социокультурных ценностей. Во всех кластерах присутствуют неопределившиеся в каких-то ценностях группы. В 2020 г. выделяются «чистые» модернисты и «чистые» неопределившиеся кластеры. Модернисты присутствуют в трех кластерах из четырех.

Оценка уровня удовлетворенности жизнью людей, принадлежащих к разным ценностным кластерам

В целях изучения взаимосвязи между типами ценностных ориентаций и субъективной удовлетворенностью жизнью мы провели сравнительный анализ уровня субъективного счастья и удовлетворенности финансовым состоянием по кластерам в 1995 и 2020 гг.

Ощущение счастья

В 1995 г. субъективное чувство счастья в целом было выше в кластерах, тяготеющих к традиционным ценностям и неопределившимся (см. рис. 8). В частности, представители третьего кластера (неопределившиеся СК — традиционалисты Д) продемонстрировали наивысший средний уровень счастья (2,03 балла), тогда как наиболее низкое значение (1,83 балла) показал второй кластер (неопределившиеся СК — модернисты Д).

Аналогичный анализ для 2020 г. (см. рис. 9) фиксирует наивысший уровень счастья у модернистов, представителей второго кластера (модернисты — модернисты), а наименьший — в третьем кластере (неопределившиеся — неопределившиеся).

В современном Китае ценностная ориентация на модернизацию скорее дает ощущение счастья, несмотря на призывы к традиционным демографическим ценностям со стороны государства. В конце прошлого века, наоборот, скорее традиционные ценности и неопределенность приводили к ощущению счастья. По-видимому, доминирующей культурной нормой еще в конце 1990-х годов были традиционные ценности. Хотя в вопросах демографической модернизации население отвечало «как надо» — в соответствии с государственной политикой, — чувство счастья было ярче у традиционалистов. А современный Китай осознал прелести модернизационного пути, в том числе демографического, но политика изменилась, в результате возникает неуверенность в субъективном счастье у тех, кто вновь сомневается и задает себе вопрос о «правильных» ценностях.

Рис. 8. Распределение оценок субъективного счастья по кластерам, 1995 г.

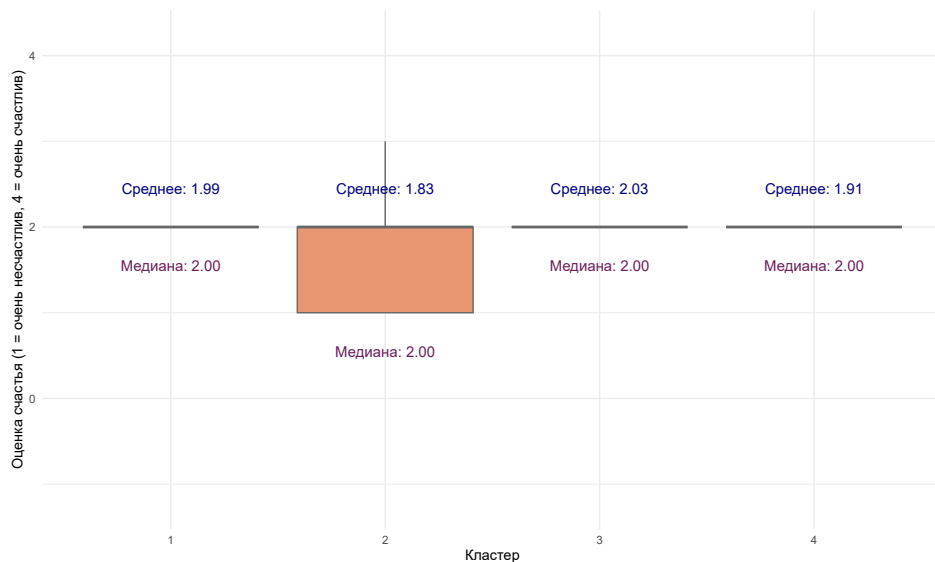
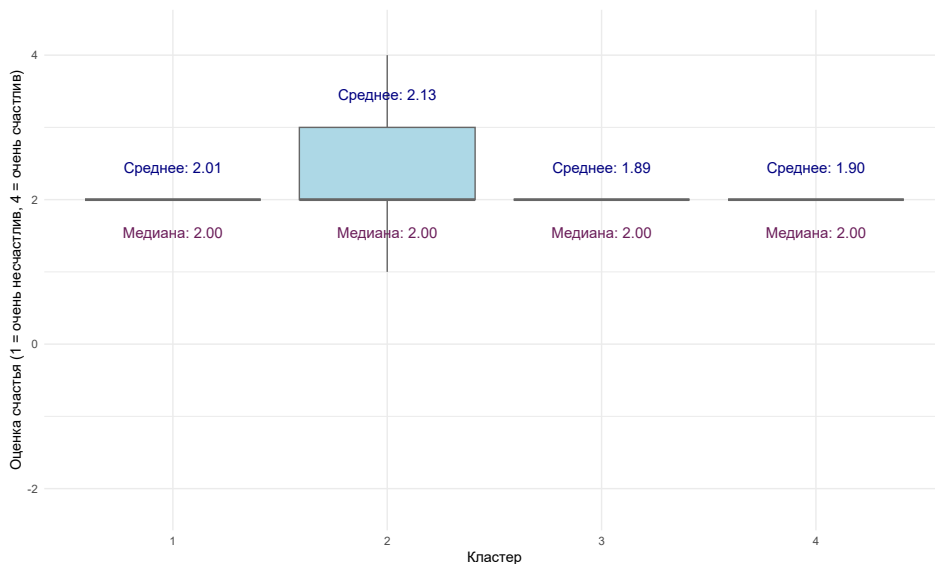
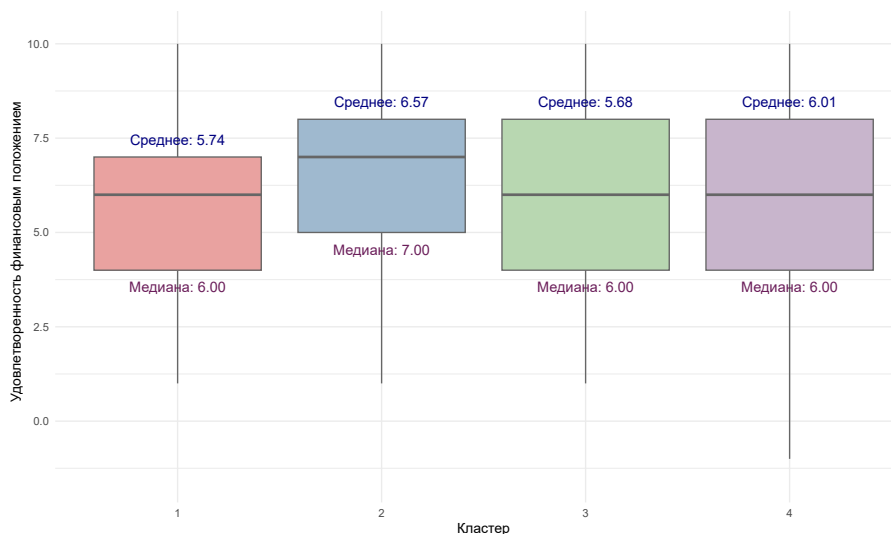

Рис. 9. Распределение оценок субъективного счастья по кластерам ценностей, 2020 г.

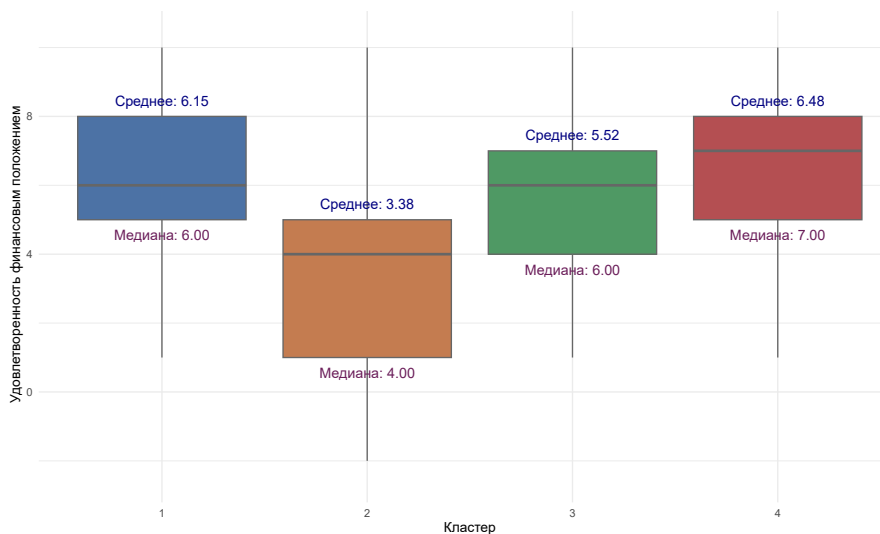

Финансовая удовлетворенность

В 1995 г. наивысший уровень финансовой удовлетворенности наблюдался во втором кластере (неопределившиеся СК — модернисты Д), средняя оценка 6,57, а наинизший — в третьем кластере (неопределившиеся СК — традиционалисты Д) (см. рис. 10).

Рис. 10. Распределение оценок субъективной удовлетворенности финансовым благосостоянием по кластерам ценностей, 1995 г.

В 2020 г. наивысший уровень удовлетворенности продемонстрировали представители кластера четыре (неопределившиеся СК — модернисты Д), средний балл 6,48, а наименьший — кластер два (модернисты — модернисты), балл 3,38. В целом разница в оценках между кластерами стала более значительной, чем в 1995 г. (см. рис. 11).

Рис. 11. Распределение оценок субъективной удовлетворенности финансовым благосостоянием по кластерам ценностей, 2020 г.

Интерпретация результатов в данном случае такая: модернистские демографические взгляды в прошлом и сейчас (допустимость аборт, меньшее число детей) связаны с большими финансовыми возможностями, что соответствует финансовой удовлетворенности. При этом в 2020 г. связь между социокультурными ценностными установками и удовлетворенностью финансовым положением не всегда разворачивается вдоль оси «традиционализм — модернизм»: представители промежуточных взглядов оценивают свое финансовое благополучие выше всех.

Заключение

Эволюция социокультурных и экономических ценностей в Китае не является линейным процессом, а представляет собой результат сложного взаимодействия политики, культуры, поколенческих различий и институциональных факторов.

Основной вывод работы: в Китае не наблюдается связи между демографическими и социокультурными ценностями — ни в период антинаталистской политики, ни в период пронаталистской политики. Сначала социокультурные ценности отставали от демографических ценностей на пути модернизации, а затем обогнали демографические ценности, поскольку мы наблюдаем ренессанс традиционных демографических ценностей. На фоне смены вектора демографической политики с антинаталистской на пронаталистскую, пропаганды модернистских демографических ценностей на популяризацию традиционных ценностей демографическая модернизация к концу прошлого века набрала хорошие темпы. Но в наши дни в ценностном измерении она начала стагнировать или даже идти вспять по ряду демографических показателей. При этом в прошлом социокультурная модернизация отставала от демографической, но набирает обороты на протяжении рассматриваемого периода.

Еще один важный вывод — в 2020 г. мы видим большую разобщенность между группами населения: пока одни движутся в сторону модернизации и индивидуального выбора, другие возвращаются к традиционным ориентирам. Особенно это заметно в отношении демографических ценностей.

В современном Китае ценностная ориентация на модернизацию скорее дает ощущение счастья, тогда как в конце прошлого века традиционные ценности приводили к ощущению счастья. При этом приверженность модернистским или, позже, традиционным демографическим ценностям в ответах анкеты Всемирного обследования ценностей колеблется у значительной части населения вместе с провозглашаемыми демографической политикой ценностями, хотя это не всегда отождествляется с чувством субъективного счастья в том же самом опросе.

Финансовая удовлетворенность более однозначно связана с модернистскими ценностями, так как они ассоциируются с большими возможностями повысить свое благосостояние.

Подобные черты особого пути второго демографического перехода в Китае — ранняя демографическая модернизация и затем традиционный ренессанс на фоне растущей социокультурной модернизации — становятся понятнее в контексте исторических изменений в демографической политике страны. Демографическая модернизация и социокультурная модернизация могут осуществляться с разной скоростью и даже идти в противоположных направлениях, если существуют ин-

ституты, которые могут влиять на одну из частей модернизационного пути. Возможно, в Китае демографическая политика — такой успешный институт. Сначала модернизационная демографическая политика помогала демографической модернизации опережать социокультурную модернизацию, а затем традиционалистская демографическая политика влияет на обратный переход к традиционным ценностям в демографических вопросах, что развело два тренда на модернизацию в противоположные стороны. Несмотря на успешную антинаталистскую политику с 1970-х до середины 2010-х годов, которая сопровождалась распространением модернистских ценностей (а некоторые признаки второго демографического перехода были даже привнесены в рамках государственной политики, например, возраст брачного совершеннолетия — 20 и 22 года для женщин и мужчин) и способствовала демографической модернизации, политический разворот к пронаталистской концепции с продвижением традиционных ценностей не просто затормозил движение общества в сторону более модернистских демографических ценностей, но и повернул его вспять в некоторых вопросах. Модернизация социокультурных ценностей при этом продолжается. Возможно, она теснее связана с экономическими успехами китайского общества: как показывает Ж. Ванг китайские граждане, выигравшие от урбанизации, развития системы образования и занятости в несельскохозяйственных, наукоемких секторах, демонстрируют более выраженные модернистские ценности [Wang, 2015].

И именно в этом, на наш взгляд, причина отличия Китая от других стран, где связи демографических и социокультурных ценностей теснее (например, от России, см. [Калабихина и др., 2021]). В перспективе было бы интересным продолжить изучение данного феномена на панельных данных, которые позволили бы отследить трансформацию отношения к разным группам ценностей у представителей разных поколений, особенно в контексте появившегося расхождения в ценностных взглядах в китайском обществе.

Такая интерпретация роли политики в изменении ценностей наводит на рассуждение об эффективности мер демографической политики в целом. Представляется, что Китай — пример опровержения расхожего мнения о неэффективности демографической политики в области рождаемости, в том числе в самом Китае [Yong, 2010]. Данный результат нуждается в уточнении на основе исследования на других данных чистых эффектов демографической политики на репродуктивный результат (рождаемость и брачность) и репродуктивные намерения (число желаемых и ожидаемых детей). Однако наш вывод позволяет предположить, что государство может воздействовать на паттерны демографического поведения в обществе. Этот эффект не обязательно будет таким же в других странах по причине наличия разных институтов, но демографическая политика может иметь значение.

Список литературы (References)

1. Архангельский В. Н., Васильева Е. Н., Васильева А. Е. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 3. С. 93—111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolu.2021.3.10>.

- Arkhangelsky V. N., Vasilyeva E. N., Vasilyeva A. E. (2021) Reproductive Intentions of Contemporary Russian Youth and Assessment of the Possibilities of Their Realization. *Logos et Praxis*. Vol. 20. No. 3. P. 93—111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>. (In Russ.)
2. Архангельский В. Н., Козлова О. А., Калачикова О. Н. Значимость исследований репродуктивных намерений населения для прогнозирования рождаемости // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18. № 3. С. 223—235. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.12>.
Arkhangelskiy V. N., Kozlova O. A., Kalachikova O. N. (2025) The Importance of Research on Reproductive Intentions for Fertility Forecasting. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 18. No. 3. P. 223—235. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.12>. (In Russ.)
3. Борох О. Н., Ломанов А. В. Модернизация китайского типа: эволюция концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 1. С. 31—47.
Borokh O. N., Lomanov A. V. (2024) Chinese- Style Modernization: Evolution of the Concept. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 7. P. 31—47. (In Russ.)
4. Калабихина И. Е., Казбекова З. Г., Банин Е. П., Клименко Г. А. Демографические ценности и социально-демографический портрет пользователей ВКонтакте: есть ли связь? // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 58. С. 157—180. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8>.
Kalabikhina I. E., Kazbekova Z. G., Banin E. P., Klimenko G. A. (2023). Demographic Values and the Socio-Demographic Profile of VKontakte Users: Is There a Connection? *Lomonosov Economics Journal*. No. 58. P. 157—180. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8>. (In Russ.)
5. Калабихина И. Е., Горбачева Д. Д., Сахбетдинова К. И. Связана ли демографическая модернизация с общей модернизацией общества: эмпирическое исследование демографических и социокультурных ценностей в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 3. С. 158—184. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_158_184.
Kalabikhina I., Gorbacheva D., Sakhbetdinova K. I. (2021) Is Demographic Modernization Related to General Modernization of the Society: an Empirical Study of Demographic and Sociocultural Values in Russia. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 3. P. 158—184. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_158_184. (In Russ.)
6. Клупт М. А. Обращение к традиционным ценностям в России, Индии и Китае: компаративный анализ // Социологические исследования. 2025. Т. 51. № 7. С. 23—32.
Klupt M. A. (2025) Appeal to Traditional Values in Russia, India, and China: A Comparative Analysis. *Sociological Studies*. Vol. 51. No. 7. P. 23—32. (In Russ.)

7. Крушинский А. А., Ломанов А. В., Переломов Л. С. «Китайская мечта» и категории традиционной китайской мысли // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 135—148.
Krushinsky A., Lomanov A., Perelomov S. (2015) “Chinese Dream” in the Context of Traditional Chinese Thought’ Categories. *Far Eastern Studies*. No. 5. P. 135—148. (In Russ.)
8. Макаренцева А. О., Бирюкова С. С. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 31—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379>.
Makarentseva A. O., Biryukova S. S. (2023) Factors, Consistency, and Realization of Reproductive Intentions in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 31—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379>. (In Russ.)
9. Морозова Н. В. Специфика «государства-нации» в китайской модели развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2. С. 105—115.
Morozova N. V. (2018) Specificity of the “Nation-State” in the Development Model of China. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*. No. 2. P. 105—115. (In Russ.)
10. Barro R. J. (2016) Economic Growth and Convergence, Applied to China. *China & World Economy*. Vol. 24. No. 5. P. 5—19. <https://doi.org/10.1111/cwe.12172>.
11. Birdsall N., Jamison D. T. (1983) Income and Other Factors Influencing Fertility in China. *Population and Development Review*. Vol. 9. No. 4. P. 651—675. <https://doi.org/10.2307/1973544>.
12. Caprara G., Schwartz Sh., Capanna C., Vecchione M., Barbaranelli C. (2006) Personality and Politics: Values, Traits, and Political Choice. *Political Psychology*. Vol. 27. No. 1. P. 1—28. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2006.00447.x>.
13. Chen W. (2023) Changing Fertility Patterns in China. *Chinese Journal of Sociology*. Vol. 9. No. 4. P. 497—521. <https://doi.org/10.1177/2057150X231209063>.
14. Chung L., Tan K. H. (2017) The Unique Chinese Innovation Pathways: Lessons from Chinese Small and Medium Sized Manufacturing Firms. *International Journal of Production Economics*. Vol. 190. P. 80—87. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2016.09.004>.
15. Fang L. (2019) Will China’s “Two-child in One Family” Policy to Spur Population Growth Work? *Population and Economics*. Vol. 3. No. 2. P. 36—44. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e37962>.
16. Feng W., Gu B., Cai Y. (2016) The End of China’s One-Child Policy. *Studies in Family Planning*. Vol. 47. No. 1. P. 83—86. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4465.2016.00052.x>.

17. Inglehart R., Baker W. E. (2000) Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. P. 19—51. <https://doi.org/10.1177/000312240006500103>.
18. Inglehart R., Welzel Ch. (2005) Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. New York, NY: Cambridge University Press.
19. Ji Y., Chen F., Cai Y., Zheng Zh. (2015) Do Parents Matter? Intergenerational Ties and Fertility Intention in a Low Fertility Context. *Chinese Journal of Sociology*. Vol. 1. No. 4. P. 485—514. <https://doi.org/10.1177/2057150X15614545>.
20. Jiang Q., Yang S., Li S., Feldman M. W. (2019) The Decline in China's Fertility Level: A Decomposition Analysis. *Journal of Biosocial Science*. Vol. 51. No. 6. P. 785—798. <https://doi.org/10.1017/S0021932019000038>.
21. Jing W., Liu J., Ma Q., Zhang S., Li Y., Liu M. (2022) Fertility Intentions to Have a Second or Third Child under China's Three-Child Policy: A National Cross-Sectional Study. *Human Reproduction*. Vol. 37. No. 8. P. 1907—1918.
22. Kalabikhina I. E., Han L. (2026) Determinants of Low Fertility in China: Does Housing Affordability Matter? *BRICS Journal of Economics*. Vol. 7. No. 2. P. 5—20. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.7.e153485>
23. Lesthaeghe R. (1995) The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation. In: Oppenheim Mason K., Jensen A.-M. (eds.) *Gender and Family Change in Industrialized Countries*. Oxford: Clarendon Press. P. 17—62.
24. Lesthaeghe R. (2014) The Second Demographic Transition: A Concise Overview of its Development. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 111. No. 51. P. 18112—18115. <https://doi.org/10.1073/pnas.1420441111>.
25. Lesthaeghe R., van de Kaa D. (1986) Twee Demografische Transitie's? In van de Kaa D. J., Lesthaeghe R. (eds.) *Bevolking: Groei en Krimp, Mens en Maatschappij*. Deventer: Van Loghum Slaterus. P. 9—24.
26. Liu H., Liu L., Wang F. (2023) Housing Wealth and Fertility: Evidence from China *Journal of Population Economics*. Vol. 36. No. 1. P. 359—395. <https://doi.org/10.1007/s00148-021-00879-6>.
27. Liu L. (2005) Fertility Trends in China's More Developed Urban Districts: The Case of Four Cities. *Population, Space and Place*. Vol. 11. No. 5. P. 411—424. <https://doi.org/10.1002/psp.377>.
28. Schwartz Sh. (1992) Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. In: Zanna M. (ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. New York, NY: Academic Press. P. 1—65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6).
29. Schwartz Sh., Bardi A. (2001) Value Hierarchies Across Cultures. *Journal of Cross-cultural Psychology*. Vol. 32. No. 3. P. 268—290. <https://doi.org/10.1177/0022022101032003002>.

30. Vakulenko E., Gorskiy D., Kondrateva, V., Trofimenko I. (2025) Periods of High Uncertainty: How Fertility Intentions in Russia Changed during 2022—2023. *Demographic Research*. Vol. 52. P. 939—970. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2025.52.29>.
31. Wang Zh. (2015) Socioeconomic Changes and Value Modernization in China: Changes and Continuity 1993—2011. *Asian Journal for Public Opinion Research*. Vol. 2. No. 3. P. 140—171. <https://doi.org/10.15206/ajpor.2015.2.3.140>.
32. Xie D., Zhou Y. (2022) Religion Effects on Fertility Preference: Evidence from China. *Journal of Population Research*. Vol. 39. P. 341—371. <https://doi.org/10.1007/s12546-022-09286-4>.
33. Yingchun J., Zhenzhen Z. (2020) China's Low Fertility Rate from the Perspective of Gender and Development. *Social Sciences in China*. Vol. 41. No. 4. P. 169—184. <https://doi.org/10.1080/02529203.2020.1806478>.
34. Yong C. (2010) China's Below-Replacement Fertility: Government Policy or Socioeconomic Development? *Population and Development Review*. Vol. 36. No. 3. P. 419—440. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00341.x>.
35. Yu J., Xie Y. (2022) Is there a Chinese Pattern of the Second Demographic Transition? *China Population and Development Studies*. Vol. 6. P. 237—266. <https://doi.org/10.1007/s42379-022-00113-0>.
36. Zaidi B., Morgan S. P. (2017) The Second Demographic Transition Theory: A Review and Appraisal. *Annual Review of Sociology*. Vol. 43. P. 473—492. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053442>.
37. Zhang L. (2008) Religious Affiliation, Religiosity, and Male and Female Fertility. *Demographic Research*. Vol. 18. P. 233—262.
38. Zhang X., Guo F., Zhai Z. (2019) China's Demographic Future Under the New Two-Child Policy. *Population Research and Policy Review*. Vol. 38. No. 4. P. 537—563. <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09519-0>.

Приложение

Таблица П1. **Результаты регрессионного анализа факторов, влияющих на принятие аборт в Китае, 1995, 2001, 2007 и 2020 гг., прокси-переменные социокультурных ценностей**

Переменные	1995	2001	2007	2020
Частность обсуждения политических вопросов с друзьями	0,047	–0,011	0,172***	0,119*
	0,068	0,092	0,049	0,056
Важность работы в жизни	0,059	–0,327	0,022	–0,039
	0,16	0,218	0,084	0,069
Обратная мера религиозной практики (индекс неверия по Вельцелю)	–0,051	–0,915	0,008	–0,066
	0,042	1,049	0,022	0,051

Переменные	1995	2001	2007	2020
Важность свободного времени	-0,32***	-0,617	-0,009	-0,108
	0,084	0,78	0,068	0,083
Важность свободы выбора	-0,046*	-1,234	-0,064**	-0,009
	0,022	0,819	0,028	0,036
Возраст	0,098**	1,038*	-0,013	0,074**
	0,033	0,894	0,028	0,032
Возраст ²	-0,001**	-0,905	0	-0,001**
	0	1,215	0	0
Пол	-0,075	-0,413	-0,108	-0,205
	0,192	0,545	0,124	0,113
Уровень образования: низкий	-1,087***	-0,068	-0,31*	-0,784**
	0,237	0,601	0,186	0,274
Уровень образования: средний	-0,916***	0,166	-0,157	-0,438***
	0,122	0,124	0,207	0,145
Уровень дохода: низкий	0,342*	0,08*	0,219	-0,436*
	0,174	0,051	0,203	0,27
Уровень дохода: средний	0,122	-0,07	0,313*	-0,1
	0,308	0,087	0,167	0,243
Проживание в сельской местности	0,224	0,001	-0,331	
	0,302	0,001	0,612	
Проживание в городе	-0,411*	-0,224	-0,754***	
	0,21	0,233	0,234	
В разводе/вдовец(ица)	0,628*	-0,325	0,513	
	0,322	0,47	0,326	0,156
Холост	0,147	0,087	0,204	0,515*
	0,225	0,345	0,229	0,222
Не проживает с родителями	0,026	0,008	-1,681	-1,734*
	0,134	0,318	1,771	0,823
R2	0,049	0,026	0,025	0,049
Количество наблюдений	1400	973	1730	1863
Количество кластеров	4	4	4	4

* $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Таблица П2. Результаты регрессионного анализа факторов, влияющих на среднее количество детей у женщин старше 40 лет в Китае, 1995, 2001, 2007 и 2020 гг., прокси-переменные социокультурных ценностей

Переменные	1995	2001	2007	2020
Частотность обсуждения политических вопросов с друзьями	0,025	−0,035		
	0,019	0,057		
Важность работы в жизни	0,007	0,071	−0,044	−0,002
	0,047	0,08	0,026	0,023
Обратная мера религиозной практики (индекс неверия по Вельцелю)	−0,023	−0,023		
	0,025	0,031		
Важность свободного времени	0,023	−0,073	−0,019	0,009
	0,039	0,051	0,024	0,016
Важность свободы выбора	−0,011	0,011	−0,005	−0,003
	0,006	0,01	0,013	0,009
Возраст	0,071***	−0,092**	0,046**	−0,014
	0,017	0,032	0,019	0,009
Возраст ²	0	0,002***	0	0***
	0	0	0	0
Уровень образования: низкий	0,393***	0,521***	0,428***	0,506***
	0,074	0,151	0,119	0,157
Уровень образования: средний	0,252***	0,296**	0,114*	0,194***
	0,059	0,082	0,042	0,032
Уровень дохода: низкий	−0,13	−0,138	0,183*	−0,011
	0,097	0,1	0,117	0,077
Уровень дохода: средний	−0,021	0,081	0,113	0,037
	0,081	0,068	0,11	0,059
Проживание в сельской местности	0,353***	−0,087		
	0,09	0,095		
Проживание в городе	0,139	−0,036	0,224*	
	0,136	0,097	0,119	
В разводе/вдовец(ица)	−0,039	−0,273	−0,277**	−0,377***
	0,216	0,193	0,129	0,116
Холост	−0,984***	−0,404	−0,859***	−1,075***
	0,074	0,415	0,075	0,081
Не проживает с родителями	−0,05	1,94***	−0,097	−0,27
	0,082	0,266	0,166	0,304
R2	0,071	0,038	0,041	0,053
Количество наблюдений	1260	901	1504	1652
Количество кластеров	4	4	4	4

* $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.